

Утро
без
Мии
Маюми
Инаба

INSPIRIA

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
И57

MII NO INAI ASA by Mayumi Inaba

Copyright © 1999 Yuji Hirano
All rights reserved.

© Publishing House «Eksmo»,
2026 for the Russian edition.

Russian translation rights arranged with KAWADE SHOBO SHINSHA Ltd.
Publishers, through Bureau des Copyrights Français, Tokyo

Перевод с японского *Дарьи Зеленцовой*
Литературный редактор *Людмила Иванова*
Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Инаба, Маюми.

И57 Утро без Мии / Маюми Инаба ; [перевод с японско-
го Д. Зеленцовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 224 с.

ISBN 978-5-04-231301-1

Прохладным летним вечером 1977 года Маюми Инаба слышит жалобный писк, доносящийся с реки Тамагава в Токио. Она идёт на звук и находит крошечного котёнка, брошенного на произвол судьбы. Переполненная нежностью, она забирает его домой и называет Мии. Так начинается история их большой любви.

В течение следующих двадцати лет мы следим за Инабой, поэтессой и писательницей, ищущей тишину и собственный голос. Мии становится для Маюми музой, подругой и отражением её собственной хрупкости.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-231301-1

© Зеленцова Д., перевод
на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

КОТЕНОК НА ВЕТРУ

В ТЕНИ АКАЦИЙ

Дом оказался просторным: светлая кухня, две комнаты в шесть татами и одна поменьше — в четыре с половиной. Из каждого окна открывался вид на улицу. До ближайшего соседского дома было далеко, и кругом царила такая тишина, что сквозь стены не доносилось ни единого звука.

В доме витала особая, почти осязаемая атмосфера. Воздух был наполнен приглушенными голосами, ощущалось чье-то незримое присутствие. В каждой комнате пахло по-своему, а сам воздух был пропитан чувством уюта и доброты. Казалось, душа строителя, который возвел этот дом, до сих пор живет в его стенах. И хотя дом в Футю принадлежал чужим людям, жилось в нем куда спокойнее, чем в моем прежнем жилище.

Я перестала покупать желтые ткани. Белый цвет теперь гармонировал с новым домом. Белоснежные шторы и интерьер, очищенный от всего лишнего, смотрелись куда естественнее. На полах не было ковров, и я полюбила ходить босиком по прохладному деревянному настилу — это ощущение стало для меня воплощением самого понятия «дома».

Занавески колышутся в такт ветру,
Комнаты залиты белым светом.
Этот дом пахнет деревом и тишиной —
Таким чужим и таким моим.

Я привыкла наблюдать, как ветер раскачивает качели, и чувствовать под ногами мягкую траву в саду. Диван, буфет и инструменты в кладовке остались от прежних хозяев, но казалось, будто я живу здесь уже минимум полгода. По вечерам в выходные я неспешно бродила по берегу Тамагавы, любуясь водной гладью.

Ранней весной в нашем квартале зацвели белый и розовый кизил. Повсюду виднелись небольшие рощицы, сплошь усыпанные цветами белой акации. Мы вселились осенью, но

весна пришла в один миг, и пейзажи за окном стали стремительно меняться.

Лишь когда распустились эти белые цветы, я поняла, что лес перед домом — целая роща белой акации. Стоило открыть окно, как комнаты наполнял густой аромат, принесенный ветром. Его порывы колыхали занавески. От одного вида цветущих деревьев мир вокруг будто светлел. Мне казалось, я впервые попала в город, который благоухал ветром.

Жизнь текла так мирно, трудно было представить, что я недавно переболела желтухой

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Именно тогда я и встретила ее. Она ворвалась в мое ослабевшее сердце — появилась так незаметно, что, будь я чуть собраннее, мы бы разминулись. В те дни блаженной отрешенности меня не мучила прежняя тоска и я не металась по дому с тряпкой для пыли. Возможно именно эта моя беззащитность и позволила кошке войти в мою жизнь.

Я медленно шла навстречу ветру. Мой голос растворялся в его потоке, и, должно быть, я и сама медленно плыла по этому течению. Ветер дул прямо в лицо — наверное, со стороны Тамагавы, врываясь в жилой квартал. Возле забора средней школы в городе Футю на берегу Тамагавы я и встретила кошку. На земле лежал маленький комочек, похожий на пушистый клубок. Совсем еще крошечный котенок.

Не думая о последствиях, я заглянула котенку в глаза, погладила его по шерстке и пошла своей дорогой.

Конец лета 1977 года. Кажется, это был самый его исход. Я встретила кошку.

КОШКА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Кошка по имени Сиро принадлежала пожилой Цунэ-сан и имела привычку исчезать, каждый раз ввергая семью в переполох. Но куда же на этот раз подевалась кошка? Бескрайние деревенские просторы — поля, огороды, бамбуко-

вые рощи — делали поиски почти безнадежными. Пока взрослые метались в тревоге, Сиро, не ведая об их волнениях, обычно спокойно оставалась дома. Убирать за ней грязные следы приходилось маме, но то ли она уже привыкла, то ли просто не придавала этому значения — она лишь отмахивалась.

Все были уверены, что это именно Сиро устроила себе в тот день логово в углу комнаты, словно на дне морском. Цунэ-сан лишь покачивала головой и смеялась: «Ах, ах, ну и проказница!»

Совсем иначе она выглядела, когда Сиро безмятежно дремала в кладовке или в саду — ее лицо тогда озарялось тихим умиротворением. Но в холодные дни, стоило кошке прикорнуть у раскаленной жаровни, на Цунэ-сан накатывала тревога... Вокруг нашего дома все еще появлялись охотники за кошками. С помощью специальной проволоки, скрученной особым образом, они могли в мгновение ока затянуть петлю на кошачьей шее. Старая щель в колодце на территории нашего дома делала эту угрозу особенно реальной.

Страх Цунэ-сан был всегда одним и тем же: как бы шкурка Сиро не пошла на деку для сямисэна. «Уж не к тем ли мастерам из Нэримы, что делают сямисэны, она попадет?» — восклицала она, и в голосе ее слышалась настоящая паника.

Когда из разных концов дома доносились встревоженные возгласы: «Сиро же была здесь совсем недавно! Надо обыскать все тщательнее! Что же она натворила!» — весь дом погружался в атмосферу напряженного ожидания. «А Сиро не видели?» Случалось, что в самый разгар поисков и собака Сико, и кошка все еще оставались в числе пропавших без вести.

ИМЯ КОШКИ

А тем временем котенок лежал на кухонном столе, съезжившись в комок на старой тряпке, словно в конвульсиях. Взгляни на него тогда в увеличительное стекло — и можно было лишь удивиться, откуда на таком крошечном тельце взялось несметное полчище блох, кишмя кишящих у него на животе.

Я налила в блюдце молока из холодильника, собрала старые полотенца и робко наблюдала за ним. Этот маленький комочек, появившийся на свет совсем недавно, еще не научился прятаться. В поисках молока он доверчиво уткнулся головой в мою ладонь.

Маленький котенок, будто сошедший со страниц моих воспоминаний, был совсем не похож на Сиро. Дикие кошачьи повадки в нем уже проступали, но вместе с тем он словно нес на себе груз какого-то врожденного преступления. В ясные прекрасные дни, когда солнце стояло в зените, стоило мне пристально посмотреть на него — и в его глазах читалась вся первозданная сущность бродячей кошки, еще не познавшей этот мир.

Я назвала котенка Мии. В день, когда я принесла ее домой, у меня не было для нее имени. Я просто смотрела и думала: «Какая же ты маленькая...»

Она была так мала, что умещалась на сложенных ладонях. Ее шерстка была цвета пыльной дороги. Когда я гладила ее, под пальцами прощупывались крошечные, хрупкие ребра.

Котенок, принесенный ветром,
Ты вошел в мой дом,
И тишина отступила
Перед твоим первым «мяу».

Я устроила ее в картонной коробке из-под яблок, которую поставила в углу кухни, и накрыла старым полотенцем. Ночью она плакала. Ее жалобный писк был так тонок, что напоминал комариный звон. Я вставала, грела молоко и поила ее из пипетки.

Сначала я собиралась найти ей новых хозяев. Но дни шли, а я ничего не предпринимала. Коробка из-под яблок стала ее домом. Она научилась пить молоко из блюдца, и ее ночные жалобы почти прекратились. Как-то утром я обнаружила, что она выбралась из коробки и спит, прижавшись к моему тапочку. В тот миг я поняла: она останется со мной.

Имя пришло само собой. «Мии» не было сокращением. Оно родилось из звука, который она издавала. Оно подходило ей — короткое, мягкое, точно такое же, как она сама.

И вот у меня появился котенок. Дом, бывший до этого лишь временным пристанищем, наполнился новым смыслом. По утрам Мии встречала меня тихим «мяу», терлась о ноги, пока я готовила завтрак.

Иногда, глядя на нее, я вспоминала Сиро. Как же они были непохожи! Сиро принадлежала тому старому миру, пропахшему деревом и углем. Мии же была частью этого нового, светлого дома и запаха белой акации за окном.

Она росла не по дням, а по часам. Пыльная шерстка посветлела, стала мягкой и шелковистой. Вскоре она уже не помещалась в коробке из-под яблок и перебралась на диван, где спала, свернувшись теплым клубочком.

Я купила ей ошейник с колокольчиком. Его звон раздавался по всему дому, отмечая ее путь из комнаты в комнату. Этот звук стал саундтреком моей новой жизни — спокойной и по-своему счастливой.

Этот крошечный комочек жизни, принесенный ветром, перевернул весь мой мир. Ее при-

существование наполнило тишину дома смыслом, которого мне так не хватало. И с тех пор утро, не начавшееся с ее топота по деревянному полу, я уже не считала настоящим.

Ветер принес — ветер унесет,
Все в этом мире уйдет и пройдет.
Но пока ты со мной — каждое утро настоящее,
Каждое мгновение — как дар.

Глава 2

ПРЕДЧУВСТВИЕ РАЗЛУКИ

ПЕРЕЕЗД

Но аромат акаций того года для меня так и остался утраченным.

В конце сентября 1978 года нам снова пришлось собирать вещи. Господин А. возвращался из командировки в Токио, и мы должны были освободить его дом. Три года жизни в Футю подошли к концу.

Теперь, оглядываясь назад, я с трудом понимаю, как нам вообще удалось найти новое жилье. Мы оба были невероятно заняты. Муж пропадал в бесконечных командировках, а над нами, словно дамоклов меч, висела угроза внезапного перевода — совсем как у господина А. Мы уже прошли через это однажды: наша спо-